

Ю.В. РУБЦОВ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ЕВРОПЕ

Утвердившаяся за последние четверть века общественно-политическая обстановка в России – фактическая смена парадигмы развития России после почти столетней “паузы” советской истории, ликвидация монополии одной партии и единой идеологии – потребовала пересмотра как в общественном сознании, так и в науке многих проблем прошлого. В определенной мере этот процесс объективен. Однако этим процессом пользуются различные политические силы, позиционирующие себя в качестве сторонников “нового прочтения” истории, при этом их подлинные замыслы далеки от стремления к исторической истине и преследуют цель коренным образом изменить представления, в частности о Великой Отечественной войне.

Главным направлением их действий стала разработка и внедрение в общественное сознание антиисторической доктрины “равной ответственности нацистского и сталинского режимов” за развязывание Второй мировой войны. Ярким выражением этой тенденции является широко известная резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы “Об объединении разрозненной Европы”, принятая 3 июля 2009 г. Мнению европарламентариев оказалась созвучна точка зрения Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, изложенная в скандально известных предложениях по “детоталитаризации” (“десталинизации”, “десоветизации”) российского общества.

Наши оппоненты тщатся вытравить из общественного сознания само понятие “Великая Отечественная война”, предлагая такие дефиниции, как война “советско-немецкая”, “нацистско-советская”. Она изображается как “война двух человеконенавистнических режимов”, “схватка двух тоталитаризмов”. Ревизии или корректировке подверглись оценки практически всех сторон, явлений, действий главных акторов войны. Не только не рассматривается как очевидная, но и подвергается коренному пересмотру и освободительная миссия Советских вооруженных сил в Европе и Азии.

Обострение борьбы за интерпретацию “по-новому” истории Второй мировой войны и Великой Отечественной как ее неотъемлемой части, безусловно, следует рассматривать в контексте современной геополитической конкуренции, в том числе – как одно из проявлений информационной и психологической войны, которую единым строем ведут против России как бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции, так и противники¹. Это обстоятельство требует от российской историографии дополнительной аргументации, в том числе в защиту положения о справедливом, освободительном характере Великой Отечественной войны как во внутривнутриполитическом, так и в международном аспектах.

Рубцов Юрий Викторович – доктор исторических наук, профессор, заместитель начальника НИЦ (научного руководителя фундаментального многотомного труда “Великая Отечественная война 1941–1945 годов”) Военного университета Министерства обороны РФ.

¹ *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики. – 65 лет Великой Победы, в 6-ти т. Т. 1. Канун трагедии. М., 2010, с. 65.

Освободительная миссия в Европе логично вытекала из характера войны, ведущейся Советским Союзом с нацистской Германией и ее сателлитами, как Отечественной. Задачи по разгрому военной и политической машины Гитлера не только не противоречили, но и диалектически перерастали в интернационалистические задачи Красной Армии. Осознание советским народом своей исторической ответственности за судьбу Родины тесно переплеталось с пониманием неразрывной связи со всем человечеством, с осознанием того, что нацистская агрессия грозит всем народам мира. Воля советских людей к бескомпромиссной борьбе, решимость отстоять и сохранить собственное Отечество воплощались в ответственность в разгроме агрессора.

Один из упреков ревизионистов сводится к следующему: Красная Армия, изгнав вражеские войска с собственной территории, должна была остановиться на государственной границе СССР. По их мнению, этого не произошло из-за того, что сталинское руководство стремилось к насильственному утверждению марионеточных режимов в восточноевропейских странах. Соответственно Запад вот уже который год требует от России покаяться “за вторжение в Восточную Европу”.

Напомним, что в 1812 г. русская армия, решив задачи освобождения собственной земли от иноземных завоевателей, перешла границы империи, чтобы разгромить Наполеона на его территории и тем устранить опасность новой агрессии. Такой порядок действий в 1944–1945 гг. был тем более необходим, если учесть принципиальную разницу между заграничными походами русской армии 1813–1814 гг. и освободительной миссией Советских вооруженных сил.

Гитлер, развязав Вторую мировую войну, а затем напав на СССР, в отличие от Наполеона преследовал не относительно ограниченные, а глобальные цели. Кроме того, степень и характер опасности для различных государств, подвергшихся агрессии или вступивших в войну с блоком фашистских государств, была отнюдь не одинакова. Для западных держав проигрыш означал бы национальное и геополитическое поражение, которое могло выразиться в изменении соотношения сил в мире, потере части собственной территории, колоний, зон влияния. Но при этом мирное население в целом сохраняло свою численность, а социально-политическое устройство осталось бы прежним – это подтверждает опыт ряда оккупированных агрессором стран.

Для Советского Союза же поражение стало бы и национально-государственной, и социальной катастрофой. Гитлеровский режим угрожал раздроблением СССР и отторжением значительных территорий, уничтожением всего того, что было в духовном и материальном плане дорого советским людям, а население страны ждали не только порабощение, но и прямое истребление. Речь, таким образом, шла о судьбе Советского Союза, о том, существовать нашему Отечеству впредь или навеки уйти в небытие.

Эти факторы предопределили особую ожесточенность именно советско-германского противоборства, сделав роль СССР в схватке с фашизмом ведущей. Начав истребительную войну против Советского Союза, его народов и культуры, фашистская Германия де-факто объявила истребительную войну и всей человеческой цивилизации, и именно Красной Армии было суждено внести главный вклад в ее сохранение. Начало Великой Отечественной войны советского народа стало, таким образом, решающим фактором придания и всей Второй мировой войне справедливого освободительного характера. В наибольшей степени этот характер проявился в пересечении Красной Армией государственной границы и ее вступлением на территорию восточноевропейских государств, оккупированных вермахтом и армиями союзников Германии.

Переход Советских вооруженных сил к освободительной миссии нельзя считать спонтанным, вызванным лишь ходом боевых действий на советско-германском фронте. Осознание Советским Союзом своей интернационалистской миссии в борьбе с силами фашизма и милитаризма с полной определенностью показал председатель Государственного комитета обороны И.В. Сталин еще в радиоречи 3 июля 1941 г.: “Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной... Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, сто-

нушим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими законами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера”².

Идея освобождения народов от нацизма всеми возможными средствами, включая прямую помощь им со стороны Красной Армии, находила в ходе войны все большее отражение в официальных документах советского руководства, обсуждалась И.В. Сталиным с руководителями США, Великобританией и других союзных нам стран. Эта идея по мере приближения войск Красной Армии к границам СССР и вступления их в пределы восточноевропейских стран наполнялась конкретным содержанием.

Освободительные цели СССР, провозглашенные в самом начале войны, легли в основу советской программы организации и воссоздания государственной, экономической и культурной жизни европейских народов, которая предусматривала: освобождение народов Европы от фашистских захватчиков и оказание им содействия в воссоздании своих национальных государств, которые вновь должны стать свободными и самостоятельными; предоставление освобожденным народам полного права и свободы самим решать вопрос об их государственном устройстве; суровое наказание фашистских преступников и виновников войны за все совершенные ими злодеяния; установление такого порядка в Европе, который полностью исключал бы возможность новой агрессии со стороны Германии; обеспечение длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы, основанного на взаимном доверии и взаимной помощи³.

Главным фактором освободительной миссии Красной Армии было вооруженное сопротивление с вермахтом и вооруженными силами других стран фашистской коалиции. Оно отличалось огромными масштабами во времени и пространстве, кровопролитным, драматическим характером, героизмом и самоотверженностью бойцов и командиров Красной Армии.

На советско-германском фронте на различных этапах войны Германия и ее союзники держали от 95,5% (июнь 1941 г.) до 92,1% (январь 1944 г.) общего количества сухопутных сил. Даже после открытия второго фронта советско-германский фронт отвлекал на себя от 69 до 71% вражеских дивизий. Противник задействовал здесь до 81% орудий и минометов, 67% бронетанковой техники, 60% боевых самолетов. Советские вооруженные силы уничтожили 607 вражеских дивизий, в то время как в Западной Европе, Италии и Северной Африке наши союзники – 176 дивизий⁴. Совершенно очевидно, что, если бы Советский Союз не взял на себя основную тяжесть в вооруженном сопротивлении с государствами “оси”, победа Объединенных Наций отнюдь не была бы предрешена.

Решающую роль СССР в годы войны подтверждали лидеры стран – союзниц по антигитлеровской коалиции. 27 сентября 1944 г. У. Черчилль в послании И.В. Сталину писал: “Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника”⁵.

² Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947, с. 16.

³ Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1985, с. 266.

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов, в 12-ти т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011, с. 721, 724.

⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в 2-х т. М., 1958, т. 1, с. 260.

Президент США Ф. Рузвельт в телеграмме генералу Д. Маккартуру 6 мая 1942 г. также отмечал: “С точки зрения большой стратегии ясен простой факт – русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые”⁶.

Важнейшим и неизбежным условием достижения полной победы над агрессором была ликвидация его военной машины, государственного и административного аппарата, а это в свою очередь было невозможно достичь без освобождения поработанных нацизмом народов Европы и самого немецкого народа. Уже по этим, чисто военно-стратегическим, причинам Красная Армия не могла и не должна была останавливаться на линии государственной границы. Не позволяла этого и миссия сохранения для человечества свободы, культуры и цивилизации, взятая на себя Советским Союзом.

Ряд зарубежных и отечественных авторов ревизионистского направления, опираясь на ставшие достоянием гласности отдельные факты преступлений, совершенных военными Красной Армии против мирного населения восточноевропейских стран, создают ее негативный образ как банды насильников и убийц. Немногочисленные факты насилия над мирным населением неправомерно и злонамеренно выдаются за массовые, типичные для всего личного состава нашей армии⁷.

Тем самым не просто бросается тень на репутацию Красной Армии, но главное – из исторической памяти о войне вытесняется представление о великом подвиге советского народа и его вооруженных сил, которые, громя гитлеровскую Германию, не ограничились решением национальных задач, но и, перейдя границу, ценой невиданного напряжения сил, колоссальных жертв и потерь спасли от уничтожения современную цивилизацию, сохранили шанс на жизнь многим государствам и народам.

При этом полное моральное падение, приписываемое военнослужащим Красной Армии, увязывается такими авторами с политической линией советского руководства, его курсом на экспансию в Европе. М. Солонин, например, утверждает: “Сталин принял решение изгнать немцев... Сталин решил создать на подлежащих аннексии территориях такую обстановку террора и ужаса, чтобы немцы сами... бежали, ползли на запад”⁸.

Придерживающиеся таких представлений авторы не желают учитывать ни то, что случаи бесчинств и насилий по отношению к мирным жителям освобождаемых от немецко-фашистской оккупации стран допускались не только военнослужащими Красной Армии, но и солдатами и офицерами стран-союзниц; ни то, что советское командование принимало жесткие меры для пресечения насилия и мародерства и сурово наказывало конкретных преступников в погонах.

Хорошо известно заявление И.В. Сталина, прозвучавшее 23 февраля 1942 г. в его приказе как Верховного Главнокомандующего (ВГК) и определившее отношение к населению Германии: “Красная Армия имеет своей целью изгнать немецких оккупантов из нашей страны и освободить советскую землю от немецко-фашистских захватчиков. Очень вероятно, что война за освобождение советской земли приведет к изгнанию или уничтожению клики Гитлера. Мы приветствовали бы подобный исход. Но было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается”⁹. Помимо определения основной цели Великой Отечественной войны это заявление советского лидера было ответом на нацистскую пропаганду, утверждавшую, что Красная Армия имеет целью истребить немецкий народ. Следует иметь в виду, что оно было сделано, когда война еще не длилась и года, а ее исход в пользу Советского Союза был далеко не предрешен.

⁶ Цит. по: Вторая мировая война. Кн. 1. Общие проблемы. М., 1966, с. 33.

⁷ См., например: Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004; Гофман И. Сталинская война на уничтожение (1941–1945 годы). Планирование, осуществление, документы. М., 2006.

⁸ Солонин М. Запретная правда о Великой Отечественной. Нет блага на войне! М., 2011, с. 212.

⁹ Сталин И.В. Указ. соч., с. 46.

Опубликована директива Ставки ВГК командующим войсками и членам Военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов от 20 апреля 1945 г., ставшая логическим развитием этого тезиса Сталина. В ней содержался приказ “изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше”¹⁰. В научный оборот введены также документы Военных советов фронтов и армий, из которых следует, что советское командование не только разъясняло личному составу определенные Ставкой ВГК нормы поведения на освобождаемых территориях, но и широко использовало юридически обоснованные меры воздействия на тех лиц, кто отступал от этих норм.

Так, в директиве командующего войсками 1-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза Г.К. Жукова и члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта К.Ф. Телегина предписывалось “устранить произвол и самовольство в отношении к немцам”, в связи с чем “Военным советам и командующим армиями, командирам корпусов, начальникам политорганов, военным прокурорам взять под личный контроль проведение в жизнь настоящей директивы, в самый кратчайший срок новости необходимого порядка, в нужных случаях применяя суровые меры наказания”¹¹.

Эти документальные свидетельства, однако, не воспринимаются представителями так называемой “новой” историографии, и их “глухота” не случайна. Неоднократно отмечалось, что появление в историографии Второй мировой войны ревизионистского направления не было непосредственно связано с открытием каких-либо неизвестных ранее документов или мемуарных свидетельств. Принятие этим направлением новой “теоретической” парадигмы обусловлено не логико-методологическими аргументами, а иными, внерациональными факторами, которые вообще не имеют отношения к науке, а лежат в сфере политики и идеологии¹².

Непосредственно же обвинения Красной Армии в преступлениях против мирного населения освобожденных от нацистской оккупации стран, особенно активизировавшиеся с началом XXI столетия, знаменуют новый этап борьбы за “современную” интерпретацию истории Второй мировой войны, пересмотр в ней роли Советского Союза и попытки демонизации современной России.

Одна из таких “актуальных” публикаций в номере газеты “Дейли телеграф” от 25 января 2002 г. под красноречивым названием “Войска Красной Армии насилуют даже русских женщин, которых они освобождали из лагерей” стала поводом для обращения в редакцию газеты посла Российской Федерации в Великобритании Г.Б. Карасина с протестом. Российский дипломат справедливо заявил: “Позорно иметь какое бы то ни было отношение к явной клевете против народа, спасшего мир от нацизма”.

Выходя, начиная с 1944 г., к линии госграницы и пересекая ее, миллионы советских солдат и офицеров не могли не помнить со всей эмоциональной остротой, как за три года до этого в тяжелейших оборонительных боях они отходили с этих рубежей на восток. За минувшие годы войны Красная Армия стала совершенно иной. В 1941 г. уступая врагу по многим параметрам, испытывая неудачи и тяжелые поражения, она добилась, казалось, совершенно невозможного – сначала остановила немецкую военную машину, а затем, сумев переломить ход борьбы, овладела стратегической инициативой и погнала противника вспять, перенесла военные действия на территорию оккупированных Гитлером государств, его союзников, а затем и самой Германии. Верный интернационалистской миссии, преисполненный решимости задушить нацизм в его логове, советский солдат пришел туда, где агрессия дала свои первые всходы.

¹⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4-5). Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). М., 1995, с. 220.

¹¹ Там же, с. 221.

¹² См.: *Никифоров Ю.А.* Великая Отечественная война и “новая” историография. – “Вставай, страна огромная...”. Материалы международной научной конференции. Севастополь, 2011, с. 224.

В целом с марта 1944 г. по сентябрь 1945 г. за пределами СССР с противником сражалось около 7 млн советских солдат и офицеров. Полностью или частично они освободили 11 стран Европы и две – Азии с населением свыше 147 млн человек – Австрию, Болгарию, Венгрию, Германию, Данию (остров Борнхольм), Китай, Норвегию, Польшу, Румынию, Северную Корею, Словакию, Чехию, Югославию¹³.

Процесс освобождения территории Советского Союза и поработанных гитлеровским блоком европейских стран характеризовался использованием коалиционной стратегии. С одной стороны, усиливалась антигитлеровская коалиция. Заложенная всего тремя государствами – СССР, США и Великобританией – она уже в 1942 г. включала в себя 26 стран, а в конце войны – более 60 стран. В то же время блок нацистской Германии и ее союзников переживал все более обострявшийся кризис и распад: в 1943 г. от него отошла Италия, а в 1944 г. – начале 1945 г. успешное наступление Красной Армии и армий стран антигитлеровской коалиции побудило выйти из войны Румынию, Венгрию, Австрию, Словакию, Финляндию, Болгарию. По ходу дальнейших событий Италия, Румыния, Венгрия, Болгария, Финляндия объявили своему бывшему союзнику войну.

Еще одной характерной особенностью освободительной миссии Советских вооруженных сил были их совместные действия с армиями и вооруженными формированиями, в том числе партизанскими, народов освобождаемых стран. Бок о бок с солдатами и офицерами Красной Армии за изгнание нацистских оккупантов сражались Войско Польское, Народно-освободительная армия Югославии, 1-й Чехословацкий армейский корпус, румынская, болгарская армии, части вновь созданной венгерской армии, а также польские, югославские и чешские партизаны. Политическое и военное руководство СССР загодя, начиная еще с 1941 г., оказывало огромную помощь материальными средствами, оружием, кадрами польским, чехословацким, югославским, румынским антифашистам в организации национальных воинских частей, которые затем вступали в вооруженную борьбу с врагом вместе с Красной Армией, а также в развертывании партизанского движения и подполья в этих странах.

Советские вооруженные силы уже самим фактом самоотверженного сопротивления с вермахтом, а затем и вступления с боями на территорию оккупированных гитлеровцами стран побуждали патриотов этих стран разворачивать собственную борьбу с оккупантами и местными коллаборационистами. Но советская страна не только подавала вдохновляющий пример, она оказывала и прямую помощь движению Сопrotивления.

Без такой помощи, учитывая несопоставимость сил вермахта, с одной стороны, и Сопrotивления – с другой, последнее было бы просто обречено на поражение. Это подтверждает исход Словацкого национального восстания и Варшавского восстания, участники которого попытались самостоятельно ликвидировать оккупационный гитлеровский режим и перед лицом превосходящего врага потерпели поражение. В то же время Сентябрьское восстание в Болгарии и Пражское восстание, поддержанные энергичными действиями соединений Красной Армии, оказались успешными, лишний раз подтвердив значение той огромной всесторонней помощи, которую оказывал Советский Союз народам, стремившимся сбросить нацистское иго.

Красная Армия вступала на территорию европейских государств исключительно в силу военной необходимости – чтобы не дать отходящему противнику возможности закрепиться и восстановить свою боеспособность и в конце концов принудить его к капитуляции. СССР не преследовал цели приобретения каких-либо территориальных, материальных и даже политических выгод, хотя советское руководство и не скрывало от союзников, что оно заинтересовано в утверждении на освобожденных от фашистов территориях таких властей, которые были бы лояльны к Советскому Союзу и войскам Красной Армии.

¹³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов, в 12-ти т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013, с. 757.

Но такого рода желания были естественными, логичными и не выходили за рамки международно-правового порядка, который устанавливали другие страны антигитлеровской коалиции на землях, занимаемых их армиями (в Италии, Франции, Бельгии и др.). Утверждение же в послевоенные годы в ряде восточноевропейских стран народно-демократических режимов следует относить на счет не “сталинского экспансионизма”, а воли самих народов Польши, Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии и Албании. Хотя утверждение таких режимов просоветского типа, безусловно, соответствовало интересам Советского Союза.

Диалектика освободительной миссии, которую выполняла Красная Армия, состояла в единстве защиты национальных интересов Советского Союза и интересов народов других стран, в глубокой связи национального и интернационального. Существовала и еще одна диалектическая взаимосвязь – между любовью советских воинов к Родине и ненавистью к врагу. Нельзя не учитывать, что перед тем, как пересечь госграницу и вступить на оккупированную, а то и вражескую территорию, они были свидетелями многочисленных зверств фашистских оккупантов по отношению к своим соотечественникам, видели следы сплошного разрушения материальной и духовной культуры на родной, временно оккупированной земле. Все это вызывало глубокую священную ненависть к фашизму, к оккупантам. Миллионы советских воинов потеряли родных, загубленных фашистским “новым порядком”, похоронили погибших боевых товарищей, утратили отчий дом. Безусловно, какую-то часть воинов эти потери и картины зверств заставили ожесточиться. Военная медицина знает характер такого заболевания – посттравматический синдром.

Но исторически достоверно – и это доказывают многочисленные конкретные факты – ненависть к нацизму и его конкретным носителям не ослепила Красную Армию в целом, не распространилась на мирное население Германии и ее союзников, когда советские войска вступили на территорию этих стран.

И на немецкую землю Красная Армия пришла не в качестве кровожадного мстителя. В приказе Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР И.В. Сталина от 1 мая 1945 г. заявлялось: “Дни гитлеровской Германии сочтены... Лживая фашистская пропаганда запугивает немецкое население вздорными рассказами – будто армии Объединенных Наций хотят истребить германский народ. В задачу Объединенных Наций не входит уничтожение германского народа. Объединенные Нации уничтожат фашизм и германский милитаризм, сурово накажут преступников войны и заставят немцев возместить ущерб, который они причинили другим странам. Но Объединенные Нации не трогают и не тронут мирного населения Германии, если оно лояльно будет выполнять требования союзных военных властей”¹⁴.

Поистине символом освободительной миссии Красной Армии стал подвиг воина 220-го полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии сержанта Н.И. Масалова, который во время боя на подступах к рейхстагу, рискуя жизнью, спас и вынес из-под огня трехлетнюю немецкую девочку.

Вступив на территорию Германии (как и ее союзников), командование и личный состав Красной Армии оказывали всестороннюю помощь местному населению в налаживании мирной жизни, обеспечении продовольствием, оказании медицинской помощи, восстановлении инфраструктуры социальной сферы. При этом сама советская страна лежала в руинах, а ее население испытывало огромные материальные и продовольственные трудности.

Характерен такой пример: когда жители берлинского района Трептов узнали о планах перевода их района в американскую зону оккупации, то обратились к бургомистру с требованием “возбудить ходатайство перед русским командованием оставить район за русскими”¹⁵. Спрашивается, могла ли у берлинцев возникнуть такая мысль, если бы

¹⁴ Сталин И.В. Указ. соч., с. 188–189.

¹⁵ Центральный архив Министерства обороны РФ, ф. 233, оп. 2380, д. 35, л. 138.

бесчинства со стороны наших военнослужащих по отношению к мирному населению носили сколько-нибудь распространенный характер?

Сказанное, разумеется, не означает, что во взаимоотношениях личного состава нашей армии и местного, особенно немецкого, населения воцарилась идиллия. Как докладывал 2 мая 1945 г. Военному совету 1-го Белорусского фронта военный прокурор фронта генерал-майор юстиции Л.И. Яченин, “факты бесцельных и (необоснованных) расстрелов немцев, мародерства и изнасилований немецких женщин значительно сократились, тем не менее даже и после издания директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного совета фронта ряд таких случаев еще зафиксирован”¹⁶.

Тяжело было советским солдатам и офицерам, испытавшим трагедию потери родных и близких, в одночасье стать выше своего горя и ненависти, преодолеть так долго вынашивавшееся желание отомстить ненавистному врагу на его собственной земле. Однако меры командования, политорганов, военной прокуратуры, сочетавшие убеждение масс воинов в высокой миссии Красной Армии и суровое наказание в виде предания виновных лиц суду военного трибунала, не могли не дать свои плоды. Случаи насилия, как показывают исследования российских историков, предотвратить полностью не удалось, но их довольно быстро сумели свести к минимуму¹⁷.

Освещение освободительной миссии Советских вооруженных сил будет, безусловно, неполным, если не сказать о цене, которая была заплачена Советским Союзом за то, чтобы народы 13 государств Европы и Азии избавились от оккупации германским фашизмом и японским милитаризмом, восстановили свой суверенитет, утвердили демократический строй, получили возможность для социального обновления. Общие потери Вооруженных сил СССР в ходе освободительной миссии составили около 4 млн человек, из которых почти 1,1 млн человек – безвозвратно¹⁸. Больше всего наши воины отдали свои жизни при изгнании врага из Польши (свыше 600 тыс. человек), Чехословакии (140 тыс.), Венгрии (140 тыс.), Румынии (около 70 тыс.). Во имя непосредственного освобождения немецкого народа от гитлеровского режима погибли почти 102 тыс. советских солдат и офицеров.

На этом фоне попытки авторов, пытающихся обесценить освободительную миссию Советского Союза, кощунственно сравнить ее с фашистской оккупацией и замарать образ советского воина-освободителя, нельзя расценить иначе, как глубоко аморальные и антиисторические, к науке никакого отношения не имеющие.

¹⁶ Русский архив: Великая Отечественная, т. 15 (4-5), с. 245.

¹⁷ *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999, с. 183; *Ржешевский О.А.* “...Изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским”. – Военно-исторический журнал, 2003, № 5, с. 31.

¹⁸ Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001, с. 448, 449.